

N E W S

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 305 (2016), 217 – 221

KAZAKH NOVEL-MYTH: SEMANTICS, STRUCTURE, "NARRATIVE FRAMEWORK"**S.M. Altybayeva, E.Zhanysbekova**

Kazakh National Pedagogical University named after Abai
asm2007@mail.ru, Elmira_08.82@mail.ru

Key words. Modern, theory, literature, novel.

Abstract. The article deals with topical issues of the modern theory of myth in the context of literature, the specifics of mythical consciousness in the modern novel. The category attributes of myth poetics of the "Altai ballad" novel-myth of the Kazakh author Askar Altai are analyzed. Important components of the mythopoetical construction of the text become well-known binary oppositions "life - death", "woman - man", "man - beast", placed in specific ethno-cultural environment. Analysis of the novel-myth shows the semantic and structural predetermination of realized quasi-metaphorical forms of ethnically marked legends, parables, folklore reminiscences. In the novel developed ritualistic component successfully interwoven in mythopoetics significantly deepening semantic connections and the very structure of the story. In the text mythologeme "mountain", ritualemashas special myth oriented semantics. The ritual-mythological determinism of novel's plot turnings is substantiated. The synthesis of several cultural and mythological codes: totemism, Tengrianism, Turkic, Islamic culture greatly expands novel's concept.

КАЗАХСКИЙ РОМАН-МИФ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, «НАРРАТИВНЫЙ КАРКАС»**Алтыбаева С. М., Жанысбекова Э. Т.**

Казахский Национальный педагогический университет имени Абая

Современные писатели, обращаясь к архаическому мифу и фольклору как источникам достижения максимальной образности, смысловой и стилистической емкости, часто создают оригинальный «новый текст – миф», или неомиф, с соответствующей структурой и семантикой. Именно отражение мифологического сознания с его недискретностью, условностью, универсальным символизмом, метафоричностью, ориентацией на прецедент придают художественному тексту известное очарование мифического текста.

Мифо-фольклорные вставки структурируют текст по мифоаналогии, моделируя заданность того или иного мифического сценария. Авторская идея глубокой соотнесенности мифического и реального контента, их философское осмысление могут быть воплощены во многих вариантах. Отсюда вариативность современной неомифологической прозы, представленная практически во всех литературах мира. Не исключением является и современная казахстанская проза. Это произведения Абдижамила Нурпеисова, Хасена Адibaева, Аскара Алтая, Аслана Жаксылыкова, Ролана Сейсенбаева, Дюсенбека Накипова, Бахытжана Канатьянова, Ильи Одегова, Асана Номада, Хакима Омара и многих других. В них традиционная для казахской литературы и искусства национальная мифо-фольклорная основа дополняется включением инонациональных и собственных мифологем, ритуалем, историософем, флорем.

Настойчивые поиски новых художественных содержательных форм приводят авторов к созданию «гибридных» произведений, гипертекстовым и метатекстовым структурам, соединению в одном тексте разножанровых и разностилевых элементов: роман-миф, роман-толгау, роман-откровение, роман-баллада, роман интенций и др. В современном нелинейном (многоплановом) романном повествовании переосмыслиенные классический миф или фольклорный образ нередко становятся концептуальной основой всего текста, энергетической пружиной всего сюжета.

Одним из таких произведений в казахской литературе новейшего времени является роман-миф Аскара Алтая «Алтай балладасы» [1]. Жанровое определение баллады звучит следующим образом: «Баллада – это лиро-эпический жанр литературы, повествовательная песня с драматическим развитием сюжета, основой которого являются необычный случай» [2] (выделено нами – А.С., Ж.Э.). Из отмеченных конкретических жанровых признаков баллады именно, на наш взгляд, «необычный случай», положенный в основу сюжета, связывает анализируемый литературный текст с мифопрецедентом. Подобная центральная установка на драматическое повествование о событиях, необычных и в то же время уже имевших место быть в прошлых рассказах (здесь – фольклорных

источниках, казахских народных сказках, преданиях, притчах) делает роман-миф А.Алтая многомерным, цельным, эстетически завершенным. С этим положением корреспондируется и мнение Н.В. Ковтун: «Сакральный статус мифа делает его замкнутым, самодостаточным явлением с жесткой иерархической структурой, однако в транскрипции нынешней литературы миф существенно трансформируется, обретает новые черты, образность» [3].

Итак, перед нами *когда-то* случившаяся на Алтае трагическая история о необычном «любовном» треугольнике: девушка Бұлабике и два «претендента» на ее руку и сердце - медведь Айқоныр и охотник Ұлар. Роман минимализирован с точки зрения персоносферы, акцентируются психологически сложные взаимоотношения трех героев. Если медведь и охотник, воплощающие мужское начало, активны и настойчивы в достижении своей цели - обладание Бұлабике, то сама героиня выступает достаточно пассивным объектом их притязаний. Это более рефлексивный, созерцающий образ. Однако пассивность героини неслучайна, она маркирует в романе специфическую мифологическую семантику предопределения.

Необычна судьба главной героини Бұлабике: она так же, как и ее мать, умирает при родах. Трагический круг предопределения, характерный для восточного мировосприятия и мифосознания в целом, замыкается с ее смертью. Погибают в схватке охотник и медведь, с которыми была связана вся ее короткая жизнь. Лиро-драматический компонент романа выявляется именно через образ Бұлабике, сближенный с самой природой Алтая. Она – часть природы, микрокосма Алтая с его заповедными местами, уникальной флорой и фауной. Доминантная недискретность мифического сознания определяет мифопоэтическую, в том числе сюжетную, архитектонику произведения.

Традиционный для казахского мифо-фольклорного повествования параллелизм описания природы и героя отражается через лирический образ белого марала, к которому Бұлабике была искренне привязана: «Қол – аяғы женіл, әлі май басып тойына қолмаған ақ маралды тасадан жығып салу түкке де тұрмады. Машықтың әдіс қапы қалдырымады. Жайратып салды. Оқыс көтеріле жебеше атылған жыртқыштың алақан соққысы еki-ақ адым аттар жерден тым ауыр тиген. Бейшара ақ маралға дүниені аңдатып та үлгерпеді» [1, с. 190]. Белый марал - редкое животное, в архаических обществах оно могло маркироваться и в качестве тотемного животного. В контексте происходящих в романе экстраординарных событий этот образ органичен, «сопричастен» природе, людям. «Возникает мистическое сопричастие между тотемической группой и страной света, между страной света и цветами, ветрами, мифическими животными, лесами, реками и т.д. Природа выступает как подвижная совокупность мистических взаимодействий» [4, с. 36]. В соответствии с законом партитации (сопричастия) (Л.Леви-Брюль) его судьба тесно связана с судьбой героини: «Ақ марал – баяғы Бұлабике мен Ұлар ұшырасатын бұғы мен маралдың сынарытын... Бұлабикенің сыртынан сүйінетін, сыртынан иемденетін ақ маралы еді» [1, с. 190]. Так, дополнительные смысловые оттенки получает центральная идея романа - мифа - взаимосвязанности всего сущего, повторяемости, цикличности времени.

Только дважды за все действие романа Бұлабике проявляет активную позицию: первое - чтобы уберечь своего возлюбленного Ұлара от гибели, она не разрешает ему идти свататься к ее родственникам, и второе - наперекор воле отца, решение родить внебрачного ребенка: «Бүйткенше өлімге қыындар! Мен өлсем өлейін, бірақ құрсағымдағы шарананың кінәсі жоқ. Құнәшар мен ғой, ал ол Алланың алдында да таза. Періште ... Әке, кінәсіз, кінәсіз періштені өлімге қидырмаңыз! Кім қиса, сол – құнәшар. Екі дүниеде жақсылық көрмесін! Қисандар мені қыындар, күдай да оны кешіреді. Тек, сәбіміе тиісе көрмендер! Бомаса – дәп қазір ат құйрығына байландар. Оған жарық дүниені қимасандар, өзіммен көрге бірге кетсін!...» [1, с. 178].

С точки зрения мифопоэтического сознания решение героини родить даже ценой собственной смерти - это не столько бунт и противодействие отцу, сколько исполнение своего предназначения. «Логика мифа» неоспорима: так было, и так будет. Осознание Бұлабике предопределенности ее судьбы, способность к самопожертвованию ради любимого человека, природность, гармония внутренней и внешней красоты расширяют семантику романа до широких философских обобщений.

Семантическое и структурное поле романа-мифа А.Алтая во многом выстраивается через систему универсальных бинарных оппозиций: рождение – смерть, женщина - мужчина, любовь – ненависть, человек - зверь, зима - лето, богатый – бедный и других. Все три главных персонажа в той или иной ситуации включаются одновременно в несколько оппозиций, что детерминируется синтезом в произведении А.Алтая нескольких культурных и мифологических кодов: тотемизма, тенгрианства, тюркской, исламской культуры.

Указанный поликультурный синтез проявляется в описании традиций, бытовых ситуаций, обрядов и ритуалов. Интересным и в этнографическом маспекте представляется введенное в сюжетную канву романа описание ритуала – инициации в семейно-родовой круг. Один из главных действующих персонажей Ұлар, впервые переступая порог дома своих родственников со стороны матери (калмыков), бросает в огонь кусочки жира. Смысл древнего обряда заключается в получении своеобразного «одобрения» инициируемого духами предков. Этой же цели подчинен и описываемый ритуал жертвоприношения - черного барана: «Қолма-қол ауыл азаматының бірінен тыстан қалмактың атақты

қара бас қойын алдырып, Сауан кемпір көкке қолын жая "Көк Тенгір! деп отка май құйды, қазақ жиеніне мал шалдырды. Далес: Ұларды аксақалдар ортасына – төрге оздырды. Қара бас ісектін басынан ауыз тигізді» [1, с. 133]. По мнению английского этнографа В. Тэрнера, «ритуал - это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [5, с. 32]. В исследуемом романе развитый ритуалистический компонент органично встраивается в его мифопоэтику, значительно расширяя семантические связи, саму структуру повествования.

Каждый персонаж данного романа-мифа не только структурирует произведение, но и максимально проявляет свою мифическую природу. И при этом, что немаловажно для мифопоэтического целеполагания, возникает впечатление максимальной достоверности происходящих мистических и фантастических ирреальных событий.

Исследуемый казахский роман-миф строится на постоянном противодействии двух природных начала: человека и зверя. Оба «визави» - медведь и охотник – сопричастны природе, соотнесены друг другу по особой, неоднократно подчеркиваемой в романе, физической мощи, уникальным способностям, влечению к девушке. Но они - активно противодействующие друг другу, враждебные персонажи-антагонисты.

В фольклоре и культуре некоторых народов Севера (тунгусов, эвенков) медведь является тотемным существом. В связи с этим интересны этнографические наблюдения К.М. Рычкова: «Сила крупных зверей, хитрость, изворотливость, необыкновенное чутье и масса инстинктов, которых лишен человек, все это дает достаточно основания относиться к животным как к существам крайне разумным и даже во многих отношениях превосходящих человека» [6]. Образ медведя также бытует и в некоторых казахских сказках - Аюдәү» [7], «Аюбала» [8, 89-101 б.] и других.

Но в отличие от фольклорной традиции, где зверь одушевляется, в первую очередь, становясь «говорящим», «очеловеченным» персонажем, в произведении А.Алтая на первом плане - звериная ипостась медведя-гиганта, его необычное поведение, которые прорисованы четко, подробно, детально.

В романе его тотемная «знаковость» во многом определяет девственную чистое миропространство Алтая, визуализирует мистическую, даже волшебную ауру описываемых гор, реки, водопада, леса, полян. Медведь – alter ego Алтая: «... Алтайдың әк тәс қара аюы...»; «Қара тастай қатқан алып тұлғасын...» [1, с.5]. Имя Айконыр, номинирует, прежде всего, внешние «телесные» качества животного. В романе подчеркивается предельная мистическая соотнесенность медведя и человека: он замышляет, оценивает обстановку, мстит, томится от вожделения. К примеру, при виде обнаженной героини медведь замирает, задерживая дыхание: «Айконыр демін адамша ішіне тарта орнынан тапжылмай тұр» [1, с.5].

В обрисовке его характера преобладает физиологический компонент противоестественного влечения зверя к девушке. Медведя постоянно преследует призрачный образ-видение девушки, которую он впервые увидел у водопада: «Әлде бір ақшыл елес алыстан шаңытқан. Әлгі елескеге елікке Айконыр жетем деп тас түйінді... Әлгі елес жакындаі келе таныс сұлбаға айналды. Ол сұлба – Атқыбылақ басында өзі уш күн андыған есем қызы тұлғасы болып шықты. Таныс тұлға жыртқыштың жанына жақын жұмбак тәнге айналды» [1, 22 с.]. И далее: «Сұлба – сұлба емес – адам тәні. Әйел тәні екен. Марқақөлдің шағаласындаі аптақ, құс жұмыртқасындаі сүйкімді. Алқынған жүректі басар, лыптылаған қан тамырын тітіретер тән... Айконыр бәрін де бағамдаған. Баяғы Атқыбылақ басында жолығысқан жан ғой... Сол бір сұлу тән» [1, 126 с.].

Сквозной образ медведя Айконыра – беспрецедентный литературный образ в современной казахской романистике. В соответствии с эстетической концепцией данного романа он персонифицирует собой мифический образ демонического склада. Сцена ритуального разрушения медведем дома его соперника - охотника, убийства его матери (мотив ритуальной жертвы) подтверждает данный тезис, соотносится с общей мифопоэтической структурой романа А.Алтая. В отличие от фольклорного персонажа безмолвный медведь Айконыр действует не как человек, а как мифический зверь – разрушитель, ведомый более мощными, природными, инстинктами, чем зыбкими правилами человеческой морали.

По физической мощи, силе страсти ему противостоит человек – охотник Ұлар. Образ охотника не нов для казахской художественной и фольклорной традиции. Стихийной, инстинктивно-физиологической природе медведя в романе противоположено рациональное и эмоциональное начало, воплощенное в человеке. Стремление Ұлара к человеческому счастью, любви, семье равно, как и его соприродность Алтаю воплощаются в сюжетных коллизиях его трагической судьбы. Отважный, сильный Ұлар, как и подобает мифическому герою, экзистенциально одинок. Его судьба прорисована достаточно реалистично, хотя и не акцентирована с точки зрения отражения неординарной мифической ситуации, в которой оказались герои. Все, кого он любил, погибают: отец, мать, Бұлабике. Семантика сюжетной линии охотника переплетена с его мифическим оппонентом - медведем Айконыром.

В романе мы неоднократно становимся свидетелями повседневных занятий Ұлара, не нарушающих, а гармонично вписывающихся в природные циклы Алтая. Это положительный природный герой, но со значительно ослабленной, в сравнении с медведем, энергетикой. Охотник Ұлар, на наш взгляд, - персонаж, вынужденный противодействовать медведю, действующему в отличие от него наступательно, инстинктивно, стихийно. Мифическое созерцание, о котором говорил Т.Манн, - константное состояние души Ұлара. Запоздалое ритуальное умерщвление Ұларом зверя – это своего рода выплата за смерть матери: «Көздеместен кол бағытымен атылған оқ көкіректен тиген де, қоңыр аю барысша ырғып кеткен аңшының орнына ұзынынан түскен» [1, с.93]. В завершающей повествование схватке у могилы Бұлабике погибают оба героя: и охотник, и зверь. Развиваемая по законам мифологического сознания в течение всего романного действия оппозиция «жизнь - смерть» получает в подобной концовке логичное завершение. Мифический круг предопределения замыкается.

Исследуя своеобразную мифопоэтику романа-мифа «Алтай балладасы» Аскара Алтая, нельзя обойти вниманием специфику самого повествования, его отдельных черт, в том числе, пространственно-временных характеристик.

Согласно заданной художественной концепции – создание мифа в жанровой форме баллады - мы можем видеть, что основу т.н. «нarrативного каркаса» [9] данного текста составляют как многочисленные дескриптивные элементы (описание героев, природы), так и условно-метафорические включения в виде притч, легенд, как правило, регионального свойства. «Четко выстраиваемая пространственно-временная перспектива изображаемой ситуации, внешнее окружение, удваивающее «точку зрения» на происходящее, и последующая смена поведения субъекта и/или персонажей задают нарративный каркас сюжетостроения, присущий эпическим структурам» [9]. Описываемые фантастические ирреальные события удачно вписываются в местный мистический природный и социокультурный ландшафт, рельефно дополняемый разными сказаниями: мифом о брачном союзе маралихи и калмыкского охотника, казахской легендой о Жошы хане и Ақсак құлане и другими.

В структурном оформлении исследуемого текста отчетливо проступают т.н. косвенные темпоральные маркеры [10]. Лиро-эпическое повествование определяет наличие значительных временных отрезков между определенными событиями: встреча девушки и медведя, медведя и охотника, встречи Ұлара и Бұлабике. Гармоничную смену одних времен года другими четко отражают подробные природные описания, параллельно выстраивается мир взаимоотношений, судеб героев. Другими словами, цикличность времени традиционно отражена через сквозной параллелизм природных явлений и человеческой жизни.

В романе А.Алтая мифическое время сохраняет свое первичное архаичное значение всеобщности и внеисторичности. Хотя в тексте встречаются и отдельные намеки на историческое время через упоминание царских золотых рудников на Алтае. Сакральное мифопространство произведения релевантно мифическому времени и происходящим событиям. Алтайские горы по своей семантике являются вечным величественным образом, словно парящим над любым временем: историческим, контекстуальным, концептуальным. Амбивалентная семантика горы в мифопоэтическом контексте реализуется, с одной стороны, как некая высшая «инстанция», равнодушно взирающая на все, что происходит, а с другой – как волшебное, мистическое, заколдованное пространство, где происходят соответствующие мистические события.

Вариативность мифопоэтического пространства в пределах одного конкретного топоса - Алтая детерминируется сюжетной коллизией, а также внутренними, в том числе, психо-социальными установками персонажей. Закрытое мифопространство представляет собой уединенное место встречи Бұлабике и охотника Ұлара – окруженная деревьями лесная поляна: «... Үлкен Қаражал мен Кіші Қаражалдың арасында сынаша сүйірленіп біткен құргақ сайдың теріскей бауырындағы балапан шыршалар арасы – екі жастың жолығысар «жолбасар» жеріне айналған» [1, с. 24]. Неожиданная «встреча» медведя Айконыра и Бұлабике происходит, напротив, в открытом месте – у водопада: «Екі аяқты пенде атаулы жолай қоймайтын Атқыбұлакқа әлде біреу аяқ басыпты» [1, с. 8]. Рассказанная мифическая история о девушке, охотнике и медведе ложится в основу и введенного мифотопонима «Қызбейіт» - «Могила (кладбище) девушки».

Вместе с тем в произведении слышны лирические интонации трепетного отношения к родному краю, почеркивается уникальность ландшафта, флоры и фауны Алтая как некоего средоточения силы, красоты, истинного величия. По мысли автора, Алтай – это волшебно-мистический, автономно существующий, с повторяющимся земным циклом «рождение-жизнь-смерть», край, «земля обетованная»: «Қайран Алтай, алыптығына сай ғой! Бай ғой. Бағзы замандардан бабалары ербіген аbat

ана ғой... Ұлардың да ендігі жалғыз аны - Алтай. Алтайда туды, Алтайда өледі. Лайым, Ана Алтайдың топырағы тартсын тәнін!» [1, с. 119]. Именно в подобной первозданной природе могла произойти столь необычная мистическая история любви и смерти, о которой повествуется в новаторском по своему целеполаганию романе-мифе «Алтайская баллада».

Отчетливая ориентация на архаический миф с разветвленной системой бинарных оппозиций, универсальных мифологем, проявляющихся на семантическом и структурном уровнях, включение фольклорных инвариантов, ритуалистических дескрипций, синтез отдельных культурных и мифологических кодов, событийная повторяемость, цикличность мифического времени позволяет говорить о доминировании в данном романе «поэтики мифологирования» (Е.М. Мелетинский). Развитая художественная интуиция и одновременно осознанное стремление А.Алтая к созданию сложного целостного текста - мифа с соответствующей атрибутикой, структурой и семантикой определили своеобразие мифоэтического рельефа «Алтайской баллады».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алтай А. Алтай новелласы: Роман-миф, повесть-притча, новелла. – Алматы: «Өлкө» баспасы, 2001. – 292 бет.
- [2] Баллада. Режим доступа: www.textologia.ru/slovاري/literaturovedcheskie-terminy.
- [3] Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб.пособие. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. - С. 11.
- [4] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Академический проект; Мир. – 2012. – 331 с.
- [5] Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. - С. 32.
- [6] Рычков К.М. Из области тунгусского творчества/Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г.М. Васильевич. Л: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. - С. 267
- [7] Қазақ халық әдебиеті: Қөп томдық / ҚазССР Ғылым акад. М.О.Әуезов атындағы әдебиет және өнер институты. – Алматы: Жазушы, 1986. – Ертеғілер. / Жауапты шығарушы А.Айдашев 1989 – 304 б., суретті.
- [8] Қазақ халық әдебиеті: Қөп томдық / ҚазССР Ғылым академиясы М.О.Әуезов атындағы әдебиет және өнер ин-ты. – Алматы: Жазушы, 1986. – Ертеғілер. / Жауапты шығарушы А. Айдашев 1989. – 304 б., суретті.
- [9] Степанов А.Г., Лебедев В.Ю. Мортальность в литературе и культуре. Режим доступа: <https://books.google.kz>
- [10] Панова Е. А. Темпоральные указатели как средство построения временной перспективы «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена// Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе. Воронеж, 2004. Ч. 2. - С. 55-58; Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984. 116 с.; Зеновская П.Е. Темпоральные маркеры в рассказах Иво Андрича. Режим доступа: Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/temporalnye-markery-v-rasskazah-ivo-andricha#ixzz3xgaMMGuf>

REFERENCES

- [1] Altaj A. Altaj novellasy: Roman-mif, povest'-pritcha, novella. – Almaty: «Olke» baspasy, 2001. – 292 bet.
- [2] Ballada. Rezhim dostupa: www.textologia.ru/slovاري/literaturovedcheskie-terminy.
- [3] Kovtun N.V. Sovremennaja tradicionalistskaja proza: ideologija i misopojetika: ucheb.posobie. - Krasnojarsk: Sib. feder. un-t, 2013. - S. 11.
- [4] Meletinskij E.M. Pojetika mifa. – M.: Akademicheskij projekt; Mir. – 2012. – 331 s.
- [5] Tjerner V. Simvol i ritual. M: Nauka, 1983. - S. 32.
- [6] Rychkov K.M. Iz oblasti tungusskogo tvorchestva/Materialy po jevenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru / sost. G.M. Vasilevich. L: Izd-vo in-ta narodov Severa CIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. - S. 267
- [7] Қазақ халық әдебиеті: Қөп томдық / ҚазССР Ғылым акад. М.О.Әуезов атындағы әдебиет zhene ener instituty. – Almaty: Zhazushy, 1986. – Ertegiler. / Zhauapty shyrarushy A.Ajdashев 1989 – 304 b., suretti.
- [8] Қазақ халық әдебиеті: Қөп томдық / ҚазССР Ғылым akademijas M.O.Әuезов atyndary әdebiет zhene ener in-ty. – Almaty: Zhazushy, 1986. – Ertegiler. / Zhauapty shyrarushy A. Ajdashev 1989. – 304 b., suretti.
- [9] Stepanov A.G., Lebedev V.Ju. Mortal'nost' v literature i kul'ture. Rezhim dostupa: <https://books.google.kz>
- [10] Panova E. A. Temporal'nye ukazateli kak sredstvo postroenija vremennoj perspektivy «Vlastelina kolec» Dzh. R. R. Tolkienna// Aktual'nye problemy modernizacii jazykovogo obrazovaniya v shkole i vuze. Voronezh, 2004. Ch. 2. - S. 55-58; Chernuhina I. Ja. Jlementy organizacii hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta. Voronezh, 1984. 116 s.; Zenovskaja P.E. Temporal'nye markery v rasskazah Ivo Andricha. Rezhim dostupa: Nauchnaja biblioteka KiberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/temporalnye-markery-v-rasskazah-ivo-andricha#ixzz3xgaMMGuf>

Қазақ роман-мифы; семантикасы, құрылымы, "әңгімелегу сұлбасы"

Мақалада қазіргі заман әдебиеті роман жөлсінен өрілген мифтік сана теориясының өзекті мәселелері қарастырылды. Қазақ жазушысы А. Алтайдың «Алтай балладасы» миф-романы бойынша мифопоэиканың категориялық белгілері зерделенді. Шыгарма жөлсінде этно-мәдени оргага тән ұшырасатын белгілі бинарлық қарама-қарсылықтар «өмір - өлім», «ер адам - әйел адам», «адам - хайуан» мәтіннің мифопоэикалық құрылымының басты компоненттері болып табылады. Бұл романда талдау шыгарма жөлсінде ұшырасатын этникалық өшпем түргысынан боямаланған немесе түрлendірілген аныз, есінет сыңды шартты-метафориялық формалардың семантикалық және құрылымдық ерекшеліктерін аңғартады.

АЛТЫБАЕВА С.М. филология гылымдарының докторы, доцент, Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті, asm2007@mail.ru

ЖАНЫСБЕКОВА Э.Т. Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті
PhD докторантты, Elmira_08.82@mail.ru

Поступила 21.01.2016 г.